

Кайл Иторр

Истинный герой

Кайл Иторр
Истинный герой
Серия «Книга Тьмы»
Серия «Кречет», книга 1

книга предоставлена автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170627

Аннотация

Галлия, времена славных королей, могучих магов и великих героев. Как раз об одном из таких героев, Ниале Длинноруком, здесь и повествуется. О герое, вышедшему на битву с армиями Королевы Моря, о его краткой юности и великой доблести, о любви и предательстве, о разуме и хитрости, а главное – об извечной борьбе бобра с ослом:) Смесь классического приключенческого фэнтези с пародией на него же.

Содержание

Вступление	4
Взгляд сбоку	9
Первое испытание	11
Взгляд сзади	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кайл Иторр

Истинный герой

Между нами будет мир, пока каждый живет на своей стороне, на своей земле.

Гарри Гаррисон «К западу от Эдема»

Вступление

Семь долгих лет, семь коротких лет
и столько же зим пройдет,
покуда слово «Да будет свет!»
в туман обращает лед.
Семь долгих зим, семь коротких зим
и лет два раза по семь –
покуда не явится он, один,
достойный царить над всем.

...Эти слова старый друид повторял с ритмичностью заклипания, каковым они не были, да и быть не могли. Ну разве что действительно твердить их на протяжении четырнадцати лет подряд, изо дня в день, не ведая отдыха, – после такого можно движением бровей гору сдвинуть. Да гора сама на край света сбежит, если перед ней столько времени непрерывно бубнить одно и то же! Воистину счастье, что не

в силах человеческих такое, а то жадные до славы любители похвастать своими магическими дарованиями меняли бы лицо матери-Земли трижды на день.

Друид магическими дарованиями обладал, но все-таки был человеком. И слова пророчества повторял только последние несколько минут. Пока следил, как герой этого самого пророчества раз за разом тычется разбитым носом в пыль, поскольку схватился с тремя противниками, каждый из которых старше его и массивнее раза в полтора.

По окончании экзекуции победители с чувством выполненного долга отправились восвояси, а великий герой дополз до ближайшей лужи и с грехом пополам умылся.

– Ничего, вы еще у меня попляшете, – пообещал он.

– А как же, – согласился друид, появляясь на сцене.

И пока великий герой неполных четырнадцати лет от роду возвращал отвисшую челюсть на место, старик в ярких красках расписывал, с какими опасностями ему, герою, вскоре предстоит столкнуться и какими силами для этого надлежит обладать. Недавняя драка сразу стала казаться возней детишек в песочнице, чего друид и добивался.

– Ибо, – выдержав паузу, завершил он, – с меньшими силами и оружием тебе не выступить против Владычицы Моря.

Последние слова старик специально выделил большими буквами, дабы даже до великого героя дошло, что сражаться предстоит не абы с кем.

Прежде чем тот, нервно сглотнув, задал всегдашний бес-

толковый вопрос «почему я?», друид добавил:

– Разумеется, в должный час я помогу тебе советом, но – только советом. Знания мои обширны, однако те, кто сочли знание могуществом, строго воспретили мне применять оное могущество непосредственно. Geas.

Что такое геас – на языках южных гэлов, – или гейс – на языках гэлов северных и восточных, – представлял каждый младенец. Ну хорошо, пускай не младенец, но уж трехлетнему это точно было известно.

Geas – обет, точнее, запрет, нарушившего который ожидает безусловное и незамедлительное возмездие всех высших сил сразу, и возмездие это не может не закончиться гибелью того, кто преступил геас. Причем гибелью такого сорта, что потом три поколения кряду рассказывают о ней в страшных сказках, а последующие считают частью великого мифа о борьбе зла с еще большим злом. Сей запрет налагался упомянутыми высшими силами не на первых встречных-поперечных, а только на обладателей собственной мощи. На старших вождей, что вершат дела всего рода и клана, или на знаменитых бардов, песни которых имеют странную власть над тканью реальности. Или – на магов и кудесников, чье могущество превосходит дозволенные простым смертным пределы.

Узнав, что на друиде лежит геас, великий герой сообразил, с кем имеет дело, вспомнил сразу все предания о великих битвах древности с карликами и гигантами, вообразил

себя на месте тех, прежних героев, восхитился этой картиной, – воображение у гэлов вообще и у юных великих героев в частности всегда бывало отменным, – и поспешно вытер расквашенный нос.

– Здесь тебе оставаться нельзя. – сказал старик. – Дома попрощаешься с родными, встречаемся после полуночи около трех кривых дубов. Если меня вдруг там не будет – не вздумай ждать, это опасно, а ты пока безоружен. Немедленно ступай вниз по течению Гаронны, к Шепчущему ручью: там обитает Ивин-Колесо: скажешь, что охотишься на кречета – поможет.

– Но...

– Соберись. Ты сможешь сделать это, я знаю.

И ведь верно, подумал великий герой, уж если я не способен даже на такой пустяк, куда мне на подвиги!

А друид, скрывая ухмылку в косматой накладной бороде из оленьего мха и волчьего меха, доподлинно знал, что в назначенный срок его у трех кривых дубов не будет.

Во-первых, выждав, пока великий герой смоеется из дому, он наложил на всю семью заранее подготовленные чары, так что те были свято уверены, что младший сын Ниал не далее как позавчера отправился погостить к троюродному дядюшке О'Как-его-там, в южные Ланды. Месяца на три или четыре. А возможно, он и вовсе решит обосноваться в тех краях, поскольку у дядюшки имелась, помимо всего прочего, курносенькая дочка с бедовым взглядом и медовым голоском...

Во-вторых, друид снял другие чары, наложенные на место рождения великого героя за девять месяцев до сего знаменательного события. Он точно знал это время и место. Сам накладывал, в конце концов.

В-третьих, старик подготовился встретить тех, кто явится проверить остывший след старого пророчества. Встретить – и позаботиться, чтобы они уж точно не промахнулись мимо горячего следа, который оставило то же самое пророчество, перейдя в стадию исполнения.

А в-четвертых, великому герою жизненно необходимо эту часть своего путешествия проделать в одиночку. Но конечно, проведать об этом заранее ему никак не дано.

Взгляд сбоку

Семь бронзовых стен, семь железных врат
и семь золотых дверей
откроет герою названный брат,
ушедший за семь морей.
Семь бронзовых плит, семь железных замков
и семь запоров златых
падут перед ним, когда снимут покров
с семи надгробий пустых.

– Ты все за свое. Ну скажи, что тебе в этом дурацком пророчестве?

– Абсолютно ничего.

– Тогда я тебя не понимаю.

– Разве когда-то было иначе, Тетра?

Черный плащ вяло дернулся, когда громадный вороной конь переступил передними копытами. Обледеневшая трава хрустнула. Затянутая в черную перчатку рука сдавила желудь и бросила бесформенный комок на землю.

– Не ошибись, Кречет. Ты можешь зайти слишком далеко.

– И это не понравится твоей хозяйке.

Черный плащ пошел гневной рябью, рука в черной перчатке нервно потянулась за отсутствующей плетью.

– Я подчиняюсь Королеве потому, что сам хочу этого!

– Прекрасно. Мои наилучшие пожелания Морре. А теперь – проваливай, у меня еще дел по горло.

– ТЫ мне не приказываешь, ллогр!

– Захочу – прикажу. Пшел вон, Балорово отродье.

Конь растворился в воздухе. Черный плащ со скрытым под ним наездником исчез мгновением позже.

– Дураком ты был, фомор, дураком и помер – а теперь уж и подавно не поумнеешь, – сухо усмехнулся друид по прозвищу Кречет.

Первое испытание

Семь черных лун, семь багряных лун
и семь, что белы как снег,
отметят пыливый героя ум,
прервав свой неспешный бег.
Семь белых, семь красных, семь черных лучей
в единый сплетутся сон –
и семеро семь изломают мечей,
пытаясь взойти на трон.

Когда старик догнал героя, тот уже был не один – и украдкой щипал себя, убеждаясь, что это ему не мерещится. Убеждаться было в чем: имя «Ивин» принадлежало вовсе не знаменитому воину-фехтовальщику, бывшему спутнику и товарищу друида, прозванному «Колесо» за умение превращать два своих меча в подобие боевой колесницы, а точнее, в подобие утыканых острыми лезвиями колес этой самой колесницы. Герой Ниал и заподозрить не мог, что «Ивин» зовется черноволосая девчонка не старше его самого, а Колесом ее кличут за пристрастие к невероятным акробатическим трюкам. Ну положим, пройтись «солнышком» великий герой и сам при случае мог, но вот прогнуться назад, вытянуть руки, обхватить себя за пятки и таким вот способом перекатиться по траве шагов на десять, – подобного он доселе не пред-

ставлял, и уж конечно не видел. А Ивин это проделывала раз сорок в день самое меньшее. Тренировалась. Зачем – объяснить отказывалась, и на все вопросы лишь скалила ровные зубки. Но при этом каждую свою тренировку превращала в показательное выступление какой-нибудь плясуньи из храма Бранвен Любвеобильной, поскольку из одежды в это время носила только пару ленточек. В волосах.

Убедившись, что великий герой со спутницей движутся в правильном направлении, след за собой оставляют достаточно явственный (и по этому следу уже шныряют черные всадники Тетры), друид обогнал их и оставил послание у ближайшего камня-указателя. Даже два послания: одно, явное, для Ивин и Ниала, другое, еще более явное, – для их преследователей. В первом послании сообщалось, что следует повернуть на север, к границам Гитина. Во втором было примерно то же, чуть другими словами. Это должно слегка запутать следы, потому что Тетра везде и всюду видел ловушки. Даже после смерти, хотя чего фомору теперь было опасаться, – ну кроме, понятное дело, собственной Королевы, – старик не понимал.

Подготовив таким образом сцену для первого испытания на многотрудном пути превращения великого героя в великого героя, Кречет обосновался неподалеку от места грядущих событий, приказал себе пробудиться в нужный момент и нырнул в объятия сна.

Приснилась ему, разумеется, бредущая по лесной тропин-

ке спутница великого героя, периодически швыряющая ножи в самого великого героя. Тот должен был либо перехватывать их в полете, либо ловить в самодельную кривобокую корзинку. Две попытки увернуться стоили Ниалу двух кровоточащих царапин на ребрах. Когда в корзинке собрался десяток ножей, Ивин позволила великому герою передохнуть с минуту, отобрала у него оружие и снова принялась за любимое дело. Каковым считала не столько бросание ножей в цель, – это всякий дурак умеет, – сколько доведение своих спутников до состояния кипящего котла Ундри.

Однако, когда путешественники добрались до переправы, Ниал воспрянул духом: оказывается, спутница великого героя тоже умела не все на свете. Уроженка Оверни, зеленоглазая Ивин плавала довольно паршиво, зато у великого героя с этим многосложным искусством не имелось никаких затруднений. Почитай, с детства из речки не вылезал. А речка Гаронна была немаленькой – даже в верховьях раза так в три пошире, чем этот вот мутный поток, который местные по недоразумению считали рекой.

Несколько раз чуть не утопив свою спутницу, Ниал наконец помог ей выбраться на противоположный берег. Вместо благодарности получил в зубы крепким кулачком, что, впрочем, не погасило счастливой ухмылки великого героя. Ивин ответила такой же гримаской, и дальше они уже шли, не слишком выставляясь друг перед другом.

Весьма удачно для них обоих, так как тем же вечером

Тетра наконец решился перейти от угроз к непосредственному действию. Отряд черных призраков без особого труда догнал великого героя со спутницей, перепугав их до полусмерти; предводитель призрачных конников, Тетра-фомор, произнес внушительную речь, столь щедро пересыпанную поэтическими перлами древнего гэльского языка, что Ниал уразумел едва одно слово из десяти, а Ивин и того меньше. Прощаясь с жизнью, великий герой презрительно фыркнул в лицо фомору и выдал парочку простонародных выражений не слишком пристойного характера. Черный всадник торжественно воздел правую руку, призывая с темного небосвода разящую молнию. Та не замедлила явиться, грянув оземь около ног Ниала, однако великий герой не ожидал, что молния пройдет мимо цели, потому кувыркнулся в сторону, подхватил с земли смолистую еловую шишку и неблагородно вlepил ее благородному скакуну фомора точно промеж глаз. Ошарашенный подобным отношением к славным традициям, вороной конь растворился в воздухе, грозный Тетра вынужден был сделать то же самое, ну а черные призраки последовали за своим предводителем...

Кречет не был уверен, кто из участников испытания пришел в себя первым. Вероятно, это все-таки была Ивин, а уж ее крепкие объятия заставили очнуться Ниала.

Даже во сне друид хмыкнул и отвернулся, углядев, что последовало за этим. Свечку тут держать было явно ни к чему, поэтому старик проснулся и оставил великого героя по-

лучать награду за первый свой подвиг. Честно заработанную награду.

Конечно, это не придаст ему сил для следующих испытаний, не наделит полезными способностями и не одарит волшебным оружием. Зато еще один элемент пророчества встал на место. Узнав об этом, Тетра просто вынужден будет доложить о неудаче своей... хозяйке.

Кречет-то знал, что это фомор расценивает происшедшее как неудачу; та, кого друид по-приятельски звал Моррой, чрезвычайно далека от подобных упрощений. Королева Морря достаточно хорошо знала тонкие правила работы пророчеств, чтобы расстраиваться из-за подобных мелочей.

И Тетру она уничтожит не потому, что будет расстроена принесенным известием. А потому, что фомор позволил себе слишком многое, выставив себя в предупредительно-грозной речи воплощением неотвратимости судьбы и предопределенности высшего возмездия. Неважно, что великий герой всего этого не уразумел, да и вряд ли Ниал вообще когда-нибудь сподобится понять, что в точности произошло в тот момент, когда он ощутил в ладони тяжелую шишку, самой природой созданную для метания в цель.

Впрочем, великому герою этого понимать и не нужно. Не в понятливости его сила.

Что касается Ивин – эта чертовка как раз понять может, если захочет, но коли поймет – будет помалкивать. Для своего же блага.

Она достаточно умна для этого.

Взгляд сзади

Семь раз отмерят по семь шагов
и семь по семи седьмых,
покуда старых не встретят врагов
не знавшие дней иных.

Семь раз они скажут друг другу «прощай»
и семь раз по семь – простят.

Простят не себя – они видели рай, –
а тех, кому выпал ад.

Вода в пруду подернулась седой зыбью, отраженное в ней лицо друида изменилось. И превратилось в другое лицо, впрочем, довольно похожее на его собственное. С таким же широким лбом и узким, твердым подбородком; с такими же струящимися волосами – потускневшее серебро и вороненая сталь; с таким же носом, подобным властному клюву сокола или кречета; с такими же глубокими, прищуренными глазами цвета Западного океана во время шторма... Лица были похожи, однако спутать их мог лишь тот, кому не ведома разницы между мужчинами и женщинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.